

18+ Мансур Вахитов

Бумеранг

Литературное объединение
«Уфимские литераторы»
(УфЛи)

Мансур Вахитов

Бумеранг

«Издательские решения»

Вахитов М.

Бумеранг / М. Вахитов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853811-7

Бумеранг — странное оружие: он возвращается, если не попадает в цель, и вся энергия, заряженная в него броском охотника, способна обрушиться на самого охотника, превращая его в дичь. В сборнике представлены стихи последнего десятилетия, написанные в самых разных уголках нашей страны.

ISBN 978-5-44-853811-7

© Вахитов М.
© Издательские решения

Содержание

АЛЖИР 1	6
Бесёдка	7
Заповедное прошлое	8
Молитва бестолковых	10
Бумеранг	11
Ветер Фён 2	12
Осеннее, птичьё	14
Сонет +	15
Слушая Альбинони	17
Форрестгампное	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Бумеранг

Мансур Вахитов

© Мансур Вахитов, 2017

ISBN 978-5-4485-3811-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЖИР ¹

Кто с клятвой, кто с заклитием на бронзовых устах:
с Петрушею Володенька сошлись на небесах.

Титаны мечут молнии – людей ломает: «хрусть»,
а степью за Акмолинском на сердце давит грусть
о том, что Петя с Вовой, дуэтом бог и князь,
опять пошли Европою, народа не спросясь.

В России так устроено: хоть Африкой иди,
вас выведут к Акмолинску трактовые пути.
Воскликнет некто «азия-с!», ему ответят «ась?»
Вы на хрена Европою, народа не спросясь?

А мир свернулся в корочку, в сухарь ужался мир,
и снова жутким мороком в Акмолинске – АЛЖИР.
Но Пётр – камень – наше всё, и Ленин – наше всё,
а у меня под ложечкой предательски сосёт.

Замнём мои видения – бордовы небеса,
и маками кровавая в степи лежит роса,
и я кровавой ветошью, как рушником, утрусь.
Как ветки льдами вешними, людей ломает: «хрусть!»

24. 11. 2012

¹ АЛЖИР – Акмолинский лагерь жён изменников Родины в системе ГУЛАГа

Бесёдка

Ищу фамилию простую – Пантюхов —
на кладбище умершего села.
Он стал отцом, а после «был таков»,
и дочь его бездетно прожила

отпущенный ей срок. Стоят кресты —
таблички ржавые, и нет имён.
Не поминают. Пять дворов пустых.
Болотами и лесом окружён

клочок земли – как предки заповедали,
земли Смоленской. Где его сыны —
села Бесёдка? Некому беседовать.
Изъятые историей страны,

как щепки на заброшенных делянках
пропавшие – забыты без затей.
Но снова вывернувшись наизнанку,
век кончился, и на его останках
толчёмся мы с беспамятством детей.

11. 06. 2010

Москва

Заповедное прошлое

В заповедное прошлое вход по счастливым билетам.
Управляют надежды, грустящим – не место, изгоям.
Это будет в метро: перепрыгивая турникет, я
успеваю в последний вагон, чтоб затем, над рекою

разорвало гремящий состав и, слетев с эстакады,
мой вагон проскочил анфиладой незримых порталов,
на ускоренном реверсе годы потешным парадом
отмотав до осознанной точки, где было начало.

Целый век перевёртышей власти, морали и смыслов —
у грядущего шанс наступить, совершившись иначе.
Будто Бог на плечах вёдра полные на коромысле
нёс, устал, и одно, посчитав-погадав на удачу,

слил под будущий куст пробивающейся новой эры,
за вторым потянулся – в нём ведать никто не желает,
как мучительно канут и судьбы, и жизни, и вера
в безвозвратном процессе, когда тебя просто «сливают».

«Здравствуй, Время моё, я непрошнным здесь появился,
я могу научить, как избежать крутых поворотов:
наблюдая и впитывая, я прилежно учился,
я себя проживал до бессилья, изжоги, до рвоты.

Уцелев и растратив все девять отпущенных жизней,
напоследок я вам расшифрую, что будет, что станет».
Но надеждами вскормлена наша былая Отчизна:
кто надеется, тот ничего понимать не желает.

Я ещё разгляжу старый двор, загорелых мальчишек,
со скалкой соседку. Почувствую воздух рукою:
«До свидания, Время моё, ты доверчиво слишком,
и тебе предстоит пережить эту участь – изгоя».

07. 09. 2010

Уфа

Молитва бестолковых

...Господи, скажите Слово мне!
Знаменем иль другим явлением
дайте знать! Для Вас – работа плёвая:
паствы бестолковой вразумление.

Души, по-привычке, к небу тянутся,
но, неверием отягощённые,
– Осади! – кричим. – Концы не вяжутся:
там, за небом, только «дыры чёрные».

Каждый метр обшарен телескопами,
ближний космос бороздим ракетами, —
вслед за просвещённую Европою
убеждаемся, что Бога нету там.

Выучка: наставлены в неверии.
Минули навечно дни спокойные:
зреет православная империя,
церкви повсеместно вновь отстроены.

Жадно ждёт народонаселение
с искреннею самою симпатией
Вашего воочию явления,
а при случае – рукопожатия.

26—28. 01. 2007
Уфа

Бумеранг

Не гольфист, но расчётлив замах – белила и сажа, и киноварь
пёстрым змеем взметнется и – нате вам! – пропеллером трепеща,
о, сикорски! предтеча наивный твой, вертолетом брея вдаль,
изящно изогнутой палицей в боевом развороте... праща —

легендарною стала ровесница – в неолите давидовом стинула,
уступив напряженью избыточному воловьих натянутых жил.
Evviva l'aerodinamica! – обучись языку италийскому —
не поможет выскабливать кремнием железного дерева жилы...

Запустили, махнули, забыли, отвернувшись, – посланец
неистовый
барражирует где-то вне видимости, мимо цели по воле небес,
может быть, уже где-то в семнадцатом, неумышленно
и немисливо,
прошуршит за спиной ненавязчиво и зарядит в затылок тебе.

06. 07. 2014

Ветер Фён ²

...безлиственный, изломанный, бесплодный
мой сад стоит на вечной мерзлоте,
цепляясь жилистыми пальцами корней
за обжигающие ледяные камни

...туман калачиком свернулся возле ног —
окоченевшему без солнца не лететь,
и в обморочном смертном полусне
бессвязное твердит туман мне

о том, что провернётся свод небес
со скрипом промороженной оси,
и соскользнёт с далёких южных гор
в долины северные лёгкий ветер Фён —

он принесёт с собою тёплый снег,
насыплет пригоршнями белые сугробы,
разбудит солнце и прибавит день,
и явятся на этот божий свет
бурандуки, тетерева и лоси,

но будет уже солнце не унять:
его ожоги ледяным сродни,
и, разогретый жарким солнцем, лёд
взорвётся многими фонтанами, себя

выплёскивая деревьям под ноги —
не удержать распластанным корням
поплывшей между пальцами земли,
казавшейся навечно скальной твердью.

...где был мой сад – сплетения корней
бесстыдно в небо вместо гордых крон,
и веет жаркий южный ветер Фён,
их иссушая...

...безлиственный, бесплодный
мой сад стоит на вечной мерзлоте,
и в обморочном смертном полусне
бессвязное твердит туман мне...

2014
Москва

² Фён – тёплый, сухой и порывистый ветер с гор

Осеннее, птичье

Вот бы птицею мне стать
на неделю,
с высоты обозревать
в дымке землю.

Видишь, в небе толкотня —
птичья стая? —
с этой стаею и я
улетаю.

За неделю не достичь
мне Египта,
с птичьей стаей по пути
я погиб бы,

потому поворочу
я на север:
что мне, чёрному грачу,
встречный ветер?

За неделю доберусь
в гости, други,
излечите мою грусть
в Петербурге.

25. 10. 2008

Уфа

Сонет +

*Lasciate ogni speranza voi ch 'entrate*³
Данте «Божественная комедия»

Оставь надежду всяк сюда входящий,
она – предтеча разочарований.
Мир этот – чей-то музыкальный ящик,
наказываемый порой молчаньем.

Но невозможна немота живущим,
я сопрягаю вновь слова и ноты,
чтоб вразной хрипящий и орущий,
клонимый в собственном помёте,

не сгинул, распаясь в одночасье
под гнётом галактических гармоний,
мой диссонансный, воспроизводящий
ежегновенно и без антимоний

себя – мой мир. На благостное счастье
оставь надежду всяк сюда входящий.

Когда-нибудь закончится завод,
и, варварская, смолкнет наша песня —
музыка сфер наполнит небосвод,
и над пустыней грянет хор небесный

о неисполненном, тщете надежд —
они рождаются с каждой звездой,
исчезнуть чтобы, сгинуть, но не преж-
де, чем встанет музыка
с пружиной заводною.

19—20. 07. 2010

³ Оставьте всякую надежду, вы, входящие сюда

Слушая Альбинони

Начало Европы: пошёл восемнадцатый век,
и есть, что делить в этом мире придворных гавотов.
Блистательна Порта, негромок Вольтеровский смех,
а музам служенье – , но – не работа. *служение*

Родиться в купечестве – тоже немалый талант,
а быть музыкантом при этом, наверно, несчастье,
хоть Бог покровительствует, верно, сам – музыкант:
врачует гармонией неутолённые страсти.

Венеция, старый надёжный торговый корабль,
скрипит, разворачиваясь посреди Средиземья.
Маршруты иные проложены: дон Кристобаль
давно прочертил килем западное направление.

Но в землях Италии, в древнем и нищем краю
летит к небесам нарождающееся бельканто.
Болонья и Мантуя, Генуя, Пиза – поют,
сеньоры без армий оплачивают музыкантов.

Трагедией кончится век, как и всякий другой.
Да, есть единение силы – военной, финансов,
но – слава поющим, в могиле одною ногой,
и тем заявляющим миру: они – итальянцы!

Скрипач из купцов сочиняет неспешно свои
концерты в гармонии с миром, дискантом гобоя
выводит мелодию, веря, что Бог сохранит,
и тот сбережёт посреди векового разбоя.

Наивно надеяться: кто-то, спустя двести лет,
отыщет в развалинах жёлтый клочок со строками
и досочинит, восхитившись, и выпустит в свет —
продолжится имя... быть может, кого между нами.

Теряя слова, пропадает строфа за строфой —
они растворяются в индифферентном пространстве.
Быть может, соткнутся гармонией между собой!
Но мир закоснел в изумительном непостоянстве.

27. 10. 2008

Уфа

Форрестгампное

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.